

УДК 81'373.612.2 + 81'42

С. Б. Кураш

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры белорусской и русской филологии,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕТАФОРОГЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ХАРАКТЕРА МЕТАФОРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данной статье решается проблема выявления «общих зон» психической и метафорогенной деятельности, определяющих сущность каждой из них как по отдельности, так и в качестве неразрывного единства в отношении к изучению таких феноменов, как язык, психика и словесно-художественное творчество в их взаимосвязях. Путём критического осмысления имеющихся на данный момент метафорологических учений и исследований в смежных областях, затрагивающих проблемы психологии и онтологии словесно-художественного творчества, оцениваются сложившиеся и предлагаются новые пути к решению ряда таких сложных проблем современной гуманитаристики, как метафорический механизм когнитивной деятельности мозга и психики, эвристический потенциал метафоры, изоморфизм метафоры как особой ипостаси СЛОВА с иными феноменами бытия, метафороподобие художественного отражения действительности, метафорическое структурирование психических феноменов.

Ключевые слова: метафора; мышление; психика; словесно-художественное творчество; интегративные исследования.

Введение

Переориентация современной лингвистики на антропоцентрическую парадигму, смещение исследовательского вектора в смежные лингвистические направления (лингвокультурология, лингво-семиотика, когнитивная лингвистика и др.), становление новых интегративных научных направлений, в качестве объекта которых выступают уже не язык, не речь в целом, а отдельные (разумеется, ключевые, знаковые) рече-языковые феномены, ставит новые вопросы к теории метафоры.

Дж. Лакофф подчеркивает, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и действии, что наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути [1].

К данному моменту времени отчётливо определилось проблемное поле, в котором пересеклись интересы самых разных наук – психологии, когнитивистики, герменевтики, семиотики и других – с одной стороны, и метафорологии – с другой. Если первые из названных активно развиваются уже несколько десятилетий и в настоящее время удерживают лидирующие позиции, то вторая – метафорология, – можно сказать, находится в стадии утверждения своих прав на статус особого научного направления. Однако, судя по огромному количеству метафорологических исследований, принадлежащих лингвистам, философам, литературоведам, психологам и даже представителям «точных наук», эта стадия преодолевается новой дисциплиной весьма успешно.

Целью данного исследования является выявление некоторых «общих зон» психической и метафорогенной деятельности, определяющих сущность каждой из них как по отдельности, так и в качестве неразрывного единства.

Методы и методология исследования

К достижению поставленной цели мы шли путём критического осмысления имеющихся на данный момент метафорологических учений (в части, касающейся обозначенного проблемного поля) и исследований в смежных областях, затрагивающих проблемы психологии и онтологии словесно-художественного творчества.

Исследование базируется на комплексном методологическом подходе, интегрирующем фундаментальные положения в области теории метафоры (метафорологии) (А. А. Ричардс, М. Блэк, Г. Лакофф, М. Джонсон, О. Н. Лагута (Алёшина), А. С. Самигуллина, В. Д. Старичёнок и др.); лингвопоэтического структурализма, постмодернистской поэтики и семиотики художественного текста (Р. Барт, М. М. Бахтин, Т. ван Дейк, Ю. Кристева, Ю. М. Лотман и др.); теории текстообразования, дискуртологии, прецедентологии и интертекстуальности (О. Л. Каменская, В. И. Карасик,

Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Н. А. Кузьмина, В. А. Лукин, Е. Ю. Муратова, Н. А. Фатеева и др.); лингвокультурологии и психолингвистики (В. В. Воробьёв, Л. С. Выготский, В. А. Маслова, В. А. Пищальникова, А. Т. Хроленко, Т. В. Черниговская, Л. Н. Чумак и др.). В качестве основных методов исследования использованы описательно-аналитический и интерпретативный.

Результаты исследования и их обсуждение

Лингвистика, и в частности, лингвопоэтика имеет сложившуюся традицию обращения к герменевтическим, психологическим, нейрофизиологическим аспектам метафоры, при этом констатируется укоренённость метафоры в подсознании, про её связанность с досознанием, про метафоризм сновидений (З. Фрейд); метафорическое и метонимическое структурирования подсознательного в языке (Ж. Лакан). Фундаментальные работы на эту тему принадлежат М. Арбибу [2], Р. О. Якобсону [3], Т. В. Черниговской [4], Ю. М. Лотману [5] и др.

В трудах современных метафорологов объясняются глубинные основы изоморфизма как стержневого механизма метафорогенной деятельности. «Возникновение изоморфизма связано с синкретичностью первобытного сознания, которому было свойственно общее анимистическое мироощущение и антропоморфизация природы. Основа первобытного сознания – миф, который базировался на представлениях о тождестве человеческого рода и определенных животных, жизни человека и жизни наблюдаемой им природы; на вере в магическую силу слова, тождественного по своей природе называемому предмету. Мифологическое сознание, возможно, и обусловило зарождение и развитие системы метафор, пронизывающих всю структуру организации понятий в современном языке. Физиологической основой изоморфизма является моделирование как важный элемент поведения животного и человека. Психологи проводят соответствие между игрой животного, в которой оно моделирует жизненные ситуации (competitive interaction), и моделированием возможных условий бытия человеком (existential modelling)» [6, с. 30].

Исследования в пересечении обозначенных выше проблемных областей помогают глубже объяснить «родство» метафоры и художественного, в частности, поэтического, стиля на уровне когнитивных и психо- и нейролингвистических аспектов метафоризации. В частности, с психолингвистической точки зрения поэтическое творчество рассматривается как недискретный процесс порождения континуальных по своей природе поэтических смыслов, которые получают своё материальное воплощение в форме их фиксации дискретными единицами языка [7, с. 3–37]. С целью устранить противоречия такого рода поэтическая система вынуждена вырабатывать и использовать средства, позволяющие преодолевать дискретность языка при передаче континуальных по своей природе поэтических смыслов. Одним из таких средств является метафора, выступающая, с когнитивной точки зрения «едва ли не единственным языковым феноменом, вносящим недискретность в дискретную структуру языка» [8, с. 188]. «В ней таким образом проявляется со всей избыточностью структурное свойство художественного целого – непрерывность содержания при дискретности организующей его формы» [9, с. 13–14].

Именно в процессе генерирования метафоры кристаллизуется один из важнейших аспектов взаимосвязи языка и мышления, а именно: интеракция двух информативных систем, имеющее место в метафоре, попытка объяснить «новое», «неизвестное» через «старое», «знакомое» составляет когнитивную сторону метафоризации, её эвристическую силу. Так, А. А. Потемня отмечал: «Необходимость метафоры (или метафорического сравнения) сказывается особенно наглядно в тех случаях, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденных неопределённым множеством действий, слов и пр.» [10, с. 204].

В числе осмысляемых в аналогичном отношении феноменов первостепенную роль играет СЛОВО в своём онтологическом понимании, сводящее к себе как к некоему центру все механизмы языка (по Ф. де Соссюру) и – более того – бытия. Современной науке известны уже не единичные прецеденты поиска (и нахождения!) структурного изоморфизма СЛОВА с такими феноменами идеального и материального бытия, как МОЗГ, ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД, ЧЕЛОВЕК, ВСЕЛЕННАЯ [11, с. 199–266]. Так, известный белорусский лингвист В. А. Маслова отмечает: «Современный учёный В. В. Налимов справедливо рассматривает мир как семантическую вселенную, а человека – как текст, который сам себя читает. В генетической книге достаточно сдвинуть только одну букву – и весь дальнейший текст будет иметь иной смысл. Наш организм постоянно читает эту книгу. Чтобы повлиять на другого человека, необходимо войти в его семантическое поле, знать законы его функционирования, знать его грамматику. Тексты ДНК и РНК подчиняются общим законам универсальной грамматики. Если мы знаем эту грамматику, то можем существенно повлиять на че-

ловека. Но уровень влияния определяется не только смыслом, ритмом, другими чисто языковыми характеристиками, но и уровнем значительности личности, которая пробует воздействовать, например, на преподавателя, врача» [12, с. 123]. Приведённое рассуждение – не что иное, как пример действия метафоры как универсального механизма мышления.

Важно подчеркнуть ещё один тезис. В процессе восприятия метафоры «речь идет не о расщеплении метафоры, а о ее бинокулярном, сбалансированном восприятии, являющемся обязательным условием ее осуществления как художественного целого» [9, с. 11]. Ср. рассуждение К. Бюлера: «За пределами языка в самых различных изобразительных техниках прослеживаются как более отдаленные, так и более близкие параллели с метафорическими методами смешения в языке. Так, Гальтон сфотографировал несколько человек на одно и то же место фотопластины, пытаясь с помощью техники фотографирования уловить нечто, что до этого было известно только как продукт психофизической «переработки» и из изобразительного искусства, а именно типовой образ. В еще большей степени к тому, что мы хотим разъяснить, приближается эффект двойного зрительного восприятия, при котором один и тот же предмет отображается на двух сетчатках, но при нормальных условиях видится как единое целое, целостнее и пластичнее, чем каждым глазом в отдельности, поскольку незначительные различия в образах (их поперечная диспарация) используются ради эффекта более точного и четкого глубинного (стереоскопического) зрения. Но для сравнения, к которому мы стремимся, значительно важнее указание на то, что при бинокулярном совмещении все действительно различное, что не поддается объединению, выпадает. У Гальтона изображение имеет размытые контуры, а бинокулярная картинка – нет; то же самое следует сказать и о метафорически охарактеризованном» [13, с. 308].

Ещё одна неоднозначно решаемая проблема на пути пересечения интересов метафорологии, лингвосомиотики и психологии художественного мышления – ответ на вопрос о том, что именно кодируется художественным текстом? Иначе: с денотатом какого рода соотносится сигнификат художественного текста?

Одними указывается на внешнюю по отношению к художественному тексту природу его денотата, «...обусловленность содержания текста самой действительностью и отражённость в тексте действительности, времени его написания, национально-культурных представлений...» и др. [14, с. 31].

Другие, напротив, подчёркивают субъективную природу его семиотического содержания: «Текст является не столько выражением чего-то вне него лежащего и до него уже существовавшего (языка, идеи, внетекстовой реальности, авторской интенции и т. п.), сколько самостоятельным универсумом, всё это порождающим и включающим в себя» [15, с. 123–162]; «Референт художественного текста находится внутри текста, а не вне его» [16, с. 442].

Нам представляется, что денотат художественного текста нельзя категорически соотносить ни со сферой экстралингвистики, ни с порождениями чистого вымысла, «фантазирующего сознания» [17]. Семиотическая картина здесь, на наш взгляд, такова: текст воспринимается реципиентом как «достоверный» в том случае, когда он кодирует не только и даже не столько «переменные величины» некоторого внешнего по отношению к продуценту универсума, сколько величины «постоянные», т. е. не конкретные лица, факты, события, обстоятельства и пр., а некоторые базовые сценарии и фреймы, которые являются (или, по замыслу продуцента, должны являться) достоянием лингвокультурного тезауруса реципиента (т. е. храниться в его сознании в виде пресуппозиций).

Для нас в данном случае приемлемы следующие трактовки понятий «фрейм» и «сценарий»: «Фрейм (frame англ. – рама) – это ментальная структура, существующая в сознании человека, основанная на вероятностном знании о типических ситуациях, ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных объектов (...) Сценарий, как он определяется в лингвистической литературе, содержит стандартную последовательность событий, обусловленных рекуррентной (традиционной, повторяющейся) ситуацией» [цит. по: 18, с. 51].

Таким образом, «фреймовый каркас» денотата – это понятие стабильное, узуальное, объективное для носителей языка как потенциальных продуцентов и реципиентов текстов. Однако его «хранилище» – не внеязыковой узус, а когнитосфера – человеческие знания, пресуппозиции. И наоборот: переменные величины, наполняющие «фреймовый каркас», часто бывают почерпнуты именно из упомянутого «фантазирующего сознания», т. е. субъективны по происхождению, но при этом воспринимаются как пришедшие из внетекстового универсума. Налицо диалектическое единство противоположностей – объективного и субъективного в сознании. Поэтому весьма сложно утверждать однозначно, что же в большей степени отражается художественным текстом – «реальность» либо «сознание», а следовательно, не просто определить и то, чем считать художественный

текст: «художественным вымыслом» или «художественной правдой», «моделированием сознания» или всё же «моделированием реальности». Иными словами, справедливее всего будет признать, что «художественный мир – это смесь реального и вымышленного» [19, с. 11].

Из привычных понятий, фиксирующих рассмотренную особенность семиотики художественного отражения мира, ближе всего к истине находится понятие условности и обобщающей силы художественного образа. Интересно в этом плане метафорически структурированное рассуждение Л. С. Выготского: «Искусство относится к жизни, как вино к винограду, сказал один из мыслителей, и он был совершенно прав, указывая этим на то, что искусство берёт свой материал из жизни, но даёт сверх этого материала нечто такое, что в свойствах самого материала ещё не содержится» [20, с. 314].

Наконец, обратимся к проблеме метафорической концептуализации психологических феноменов наряду с изучением разнообразных тематических групп метафор (юридических, политических, педагогических, медицинских, психотерапевтических метафор, метафор информационных технологий, спорта и др.). Отметим, что существенный вклад в решение данной проблемы внесли белорусские лингвисты.

Так, диссертационная работа О. Ю. Шиманской предоставляет в пользование специалистам новые объективные систематизированные знания относительно чрезвычайно важного фрагмента языковой действительности – метафорических репрезентаций психической сферы человека. Автор подвергает системному сопоставительному анализу метафоры психологии (и вообще метафоры) белорусского и английского языков. Речь, в частности, идёт об определении специфической роли языковой и потенциальной языковой метафоры как средства репрезентации понятий и явлений психической сферы человека в выявлении их акциональных, темпоральных, качественных и количественных характеристик; о распределении психологических метафор по семантическим сферам «природа», «предмет», «человек», «процессы и отношения» с выделением в их пределах ряда типов и подтипов метафорических переносов; о выявлении общего и специфического в репрезентации психологической сферы человека в белорусском и английском языках. Важным также является определение того факта, что «для белорусского языка характерно наличие метафор, положительно характеризующих эмоциональное сближение с собеседником, а также актуализация метафорических конструкций, свидетельствующих об отождествлении переживания с “внутренним человеком”». Английскому языку свойственна преимущественно негативная коннотация метафор с семой ‘интенсивность’, а также актуализация метафорических конструкций, свидетельствующих о дистанцировании эмоционального опыта» [21, с. 8–9].

Диссертационная работа А. А. Носик [22] посвящена изучению эмотивного континуума русского языка с точки зрения структуры, семантики и функционирования. Основные научные результаты заключаются в следующем: разработана классификация негативных эмоциональных номинаций с инвариантными значениями горя, гнева, отвращения, ненависти, презрения, вины, стыда, страха, а также позитивных эмоций радости, интереса и амбивалентной эмоции удивления; выявлены основные модели семантической деривации в эмоционально-чувственной сфере, основанные на соотношении исходных и реципиентных ЛСВ; определены особенности функционирования субстантивных, адъективных и глагольных эмоциональных номинаций в художественном и публицистическом дискурсах.

Принципиально новым научным продуктом являются и разработанные О. Ю. Шиманской «Двуязычный словарь» и «Электронный двуязычный словарь метафор психологической сферы человека», а также «Толковый словарь номинаций эмоциональной сферы человека», созданный А. А. Носик.

Показательно, что известный российский метафоролог О. Н. Лагута в качестве первоочередных задач современной науки о метафоре называет «проведение системных исследований индивидуальных языковых метафорик: на материале как живых языков с богатой книжно-письменной традицией и развитыми функционально-стилевыми подсистемами, так и младописьменных языков с диффузными функционально-стилистическими характеристиками, а также на материале мертвых языков, зафиксированных на широком пространстве текстов, с целью последующего выявления корпуса наиболее актуальных моделей метафоризации и их сопоставительного описания» [23, с. 160]. Этот же автор с сожалением отмечает тот факт, что «из-за дискретности научных сфер лингвисты практически не используют достижений психологической и психо-терапевтической метафорологии (корпус психотерапевтических текстов, используемых регулярно в клинической практике, почти не имеет лингвистического, особенно когнитивистского, описания). Однако только нейрологические исследования могут пролить свет истины на связь языка – естественного коммуникативного кода,

коммуникативной (с включенной в нее речевой) деятельности и ментального языка с работой высшей нервной системы. В свою очередь, нейрологические исследования результатов структурно-семантического описания метафор и их когнитивной интерпретации могут раскрыть ряд загадок полушарной асимметрии, а исследование результатов сопоставительных работ по изучению языковых метафорик может способствовать решению проблемы естественной и языковой категоризации» [23, с. 162].

Выводы

Таким образом, лингвометафорология как фактически самостоятельное научное направление является по своей сути интегративным, синтезирующим подходы таких наук, как лингвистика, философия, литературоведение, психология, семиотика и др.

Синтез знаний из представленных выше направлений необходим в силу многовекторности исследования как метафоры, так и текста (дискурса), проявляющих себя как феномены языка, литературы, философии, культуры, психологии и иных областей знаний одновременно.

Подобная интегрированность научных знаний позволяет более глубоко и точно разобраться (или, по крайней мере, наметить пути к этому) в ряде неоднозначно решаемых проблем, в числе которых такие, как метафорический механизм когнитивной деятельности мозга и психики; эвристический потенциал метафоры; изоморфизм метафоры как особой ипостаси СЛОВА с иными феноменами бытия; метафороподобие художественного отражения действительности; метафорическое структурирование психических феноменов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Арбиб, М. Метафорический мозг / М. Арбиб ; пер. с англ. Э. Л. Наппельбаума. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 304 с.
3. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
4. Черниговская, Т. В. Метафорическое и силогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга / Т. В. Черниговская, В. Л. Деглин // Уч. зап. Тартуского университета: Труды по знаковым системам. – Тарту, 1986. – Вып. 19. – С. 68–84.
5. Лотман, Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 25–34.
6. Толочин, И. В. Метафора и интертекст в английской поэзии / И. В. Толочин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 95 с.
7. Пищальникова, В. А. Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект / В. А. Пищальникова. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. – 132 с.
8. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т рус. языка Акад. наук СССР, 1991. – С. 184–192.
9. Иванюк, Б. П. Метафора и литературное произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования) / Б. П. Иванюк. – Черновцы : Рута, 1998. – 252 с.
10. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня ; сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. – М. : Высш. шк., 1990. – 344 с.
11. Гируцкий, А. А. Общее языкознание : учеб. пособие для студ. вузов / А. А. Гируцкий. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 304 с.
12. Маслова, В. А. Интерес к глубинному знанию как важнейший принцип лингвистики XXI века / В. А. Маслова // Язык как зеркало эпохи: К 100-летию революций в России : сб. науч. ст. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – С. 122–124.
13. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2000. – 528 с.
14. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 496 с.

15. Лотман, М. Ю. Мандельштам и Пастернак: (Попытка контрастивной поэтики) / М. Ю. Лотман // *Literary Tradition and Practice in Russian Culture [Studies in Slavic Literature and Poetics, v. XX]*. – Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 1993. – С. 123–162.

16. Чернейко, Л. О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста / О. Л. Чернейко // *Структура и семантика художественного текста : докл. VII междунар. конф. ; отв. ред. Е. А. Диброва*. – М. : СпортАкадемПресс, 1999. – С. 438–460.

17. Борухов, Б. Л. Онтология художественного текста / Б. Л. Борухов // *Художественный текст: онтология и интерпретация : сб. ст. / Саратов. межрегион. центр по изуч. худож. текста, Саратов. гос. пед. ин-т им. К. А. Федина ; под ред. Б. Л. Борухова, К. Ф. Седова*. – Саратов, 1992. – С. 4–15.

18. Миловидов, В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса : пособие по спецкурсу / В. А. Миловидов. – М. – Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 129 с.

19. Заика, В. И. Эстетическая реализация языка: функционально-прагматическое исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. И. Заика ; ГОУ ВПО НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2007. – 50 с.

20. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 480 с.

21. Шыманская, В. Ю. Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле субстантываў) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / В. Ю. Шыманская ; ГрДУ імя Я. Купалы. – Гродна, 2009. – 21 с.

22. Носік, А. А. Лексіка эмацыянальнай сферы чалавека ў беларускай мове: структура, семантыка, функцыянаванне : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / А. А. Носік ; БДПУ імя М. Танка. – Мінск, 2024. – 25 с.

23. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: в 2 ч. / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003. – Ч. 2. – 208 с.

Поступила в редакцию 30.09.2024

E-mail: text2005@mail.ru

S. B. Kurash

ON THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PSYCHOLOGICAL AND METAPHOROGENIC ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE INTEGRATIVE NATURE OF METAPHOROLOGICAL RESEARCH

This article solves the problem of identifying “common zones” of mental and metaphorogenic activity, which determine the essence of each of them both individually and as an inseparable unity in relation to the study of such phenomena as language, psyche, verbal and artistic creativity in their interrelations. By critically comprehending the currently available metaphorological teachings and research in related fields touching upon the problems of psychology and ontology of verbal and artistic creativity, it evaluates the established ways and proposes the new ones to solve a number of complex problems of the humanities, such as the metaphorical mechanism of cognitive activity of the brain and psyche, heuristic potential of metaphor, isomorphism of metaphor as a special hypostasis of the WORD with other phenomena of being, metaphorical similarity of artistic reflection of reality, metaphorical structuring of mental phenomena.

Keywords: metaphor; thinking; psyche; verbal and artistic creativity; integrative research.